

УДК 911.7

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
(НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ РФ ПОВОЛЖСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА)**

Ю.В. Преображенский, А.Ю. Романова

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г.Чернышевского, Саратов

Предлагается методика определения характера и интенсивности социоэкономических связей территориально-общественных систем региона. По данной методике проводится оценка и сравнение рассматриваемых показателей в Саратовской области и в других субъектах РФ Поволжского экономического района. Анализируется динамика экономических и социальных процессов.

***Ключевые слова:** территориально-общественные системы, социоэкономика, социоэкономические связи, уровень развития региона, Саратовская область, Поволжский экономический район.*

Введение. Всё более комплексный подход к исследованию территориальных общественных систем (ТОС) подразумевает учёт тесных связей между различными сторонами жизнедеятельности общества в территориальной проекции. Собственно, выявление характера и интенсивности данных связей занимает значимое место в современных науках гуманитарной и естественнонаучной ориентации. Смежные направления получают импульсы развития благодаря своему пограничному состоянию, т.к. опираются на методы различных наук. География как во многом синтетическая наука позволяет придавать смежным направлениям исследования дополнительное, пространственное измерение, «глубина» которого во многом может являться маркером значимости изучаемых комплексных процессов.

Социально-экономическая география уже благодаря одному своему названию «по праву рождения» (хотя приставка «социо-» появилась существенно позднее собственно экономической) претендовала на комплексное рассмотрение как экономических процессов, так и социальных, однако в значительной части работ отчётливо прослеживается либо социально-демографический, либо экономический «крен» при эпизодическом, как правило описательном упоминании второй составляющей науки. Соответственно предметом исследования оказывались территориальные экономические (ТЭС) или территориальные социально-демографические системы (ТСДС). Их

совмещение и выход на более высокий уровень территориальных социально-экономических систем осуществлялся во многом как результат простой компоновки ТЭС и ТСДС.

Всплеск интереса к географии населения и его пространственным нюансам (работы С.А. Ковалёва и его школы, А.А.Ткаченко) последовал в последние три десятилетия XX века, однако большинство работ скорее связывали частные социальные аспекты между собой, чем с экономикой. Интерес к взаимным связям между экономическими и социальными процессами в географии на современном этапе естественен с учётом, во-первых, всё более комплексного, системного подхода в науке, а во-вторых, разработки методик оценки эффективности деятельности региональных властей.

Степень проработанности вопроса. Современное представление о социэкономике идёт в большей степени со стороны «социальной» части исследователей. В первом приближении социэкономике можно охарактеризовать как науку, которая изучает двусторонние связи между экономическими и социальными аспектами воспроизводства разных видов (от фирм, территорий, отраслей/сфер до общества в целом) и пытается дать экономическую оценку этим связям на основе сопоставления широко понимаемых затрат и результатов с учётом определённых социальных ограничений [10, с. 38].

Социэкономические связи, включая в себя значительный пласт общественных отношений в целом, испытывают влияние ряда факторов. Для географов важно в первую очередь то, что они, связи, всегда происходят на территории, в определённой в той или менее трансформированной природной среде, и имеют те или иные культурные нюансы. Последние часто определяют «социальную» часть, так же как «экономическая» часть связана с особенностями природопользования. Природа связана с населением также по линии рекреации. Представляется в связи с этим, что социэкономике имеет смысл рассматривать включенной в традиционную географическую триаду «природа–население–хозяйство», а социэкономические отношения рассматривать в качестве тех отношений, которые возникают «внутри» ТОС, то есть имеют пространственный аспект.

Проблема экономической оценки социальных процессов достаточно существенна и связана с вариативностью оценки в условиях различных экономических политик и приоритетов, а те в свою очередь с более высоким уровнем общего странового (вариант: цивилизационного) стратегирования*. По сути, чем в большей степени на уровне целеполагания прослеживается ориентация на будущее, тем большую стоимость имеет «человеческий ресурс», «человеческий капитал».

* Примерно та же ситуация существует при оценке стоимости природных ресурсов.

Упомянутые особенности социэкономике обуславливают её относительно более сильную связь с реальными управленческими рычагами, «органическое единство (социальной и экономической частей – авт.) в рамках социально-экономической политики» [10, с. 40].

Одновременно усиление комплексности в управлении ставит вопрос о его территориальных границах. Собственно, в этом состоит одна из географических задач – показать оптимальные границы, в пределах которых социэкономическое взаимодействие наиболее отчётливо проявлено, это задача по сути социэкономического районирования. В этом плане ставится задача «выявить группы (типы) регионов с близким (одинаковым) соотношением двух показателей», а именно роста душевого ВРП и доходов населения [11, с.50].

Другая задача – предложить оптимальные методы по изучению указанных связей и меры по их усилению (или же ослаблению, в случае негативного влияния социально-демографических процессов на экономические). Естественно рассматривать социэкономику, опираясь на модель регионального воспроизводственного процесса, увязывая экономический контур с социально-демографическим.

Регион сосредотачивает лишь определённые звенья технологических цепочек производства, управление же сбытом конечной продукцией, как правило, вынесено за его пределы, поэтому регион оперирует лишь относительно небольшой частью экономического контура более высокого порядка, опирающегося на производственные структуры многих регионов, многих стран. Разумеется, в пределах региона существует местный экономический контур, целиком опирающийся на собственную экономическую базу и собственный спрос, но его роль ограничена. Социально-демографический контур более локален, однако и здесь можно наблюдать влияния со стороны других контуров – миграции, культурное, религиозное давление, нарушающее исходные социокультурные коды региона.

Финансовый контур (непосредственно связанный с другими) в современных условиях практически является экстерриториальным по отношению к региону. Мало и недостаточно число региональных банков, современная финансовая система страны крайне зависит от мировой долларовой системы.

Современная институциональная система в России посредством налоговых особенностей и инструмента межбюджетных трансфертов приводит к тому, что «перераспределение территориальной ренты в пользу центра не только устраняет региональные власти от действенных механизмов управления, но и лишает их самостоятельности в принятии

судьбоносных для территории решений, дистанцируя, таким образом, от поддержки широких слоев местной общественности»* [6, с. 165].

Таким образом, различные воспроизводственные контуры в региональной экономике имеют разные границы, разных управленцев и ту или иную степень выраженности. Это осложняет выделение пространственных границ социэкономике. Видимо, данная задача решается привлечением информации о пространственной структуре энергетических и информационных циклов, протекающих в регионе.

Помимо хронологических рамок социэкономического исследования не менее важны хронологические. Речь идёт об определении лага, запаздывания изменений в социальной сфере при изменении в экономической и наоборот. Здесь нужен синергетический подход, базирующийся на исследовании как экономических, так и социальных и природных циклов. Впрочем, возможно, в условиях новых реалий многие из них (например, теории циклов Кондратьева, Кузнеца) подвергнутся существенной трансформации или вовсе выпадут как методологический приём для построения прогнозов. Впрочем, дискуссия вокруг теории длинных волн Н.Д.Кондратьева ведётся в большей степени не по поводу её прогностических возможностей, а сводится в основном к определению решающих факторов нарушения равновесия и перехода между фазами цикла (длинной волны)

Если инвестиционный цикл может быть сокращён, то срок появления ребёнка – нет. С другой стороны, продолжительность жизни человека лежит за рамками того времени, в котором «работает» современная экономика. В целом, социэкономическая модель будет ограничена горизонтом планирования «самого тихоходного судна в эскадре», т.е. экономическим горизонтом.

Ещё одним аспектом социэкономике можно считать параметр обратимости/необратимости определённых процессов в контуре. Как правило, и экономические, и социально-демографические показатели находятся в «допустимой» или «желательной» зоне, подвергаясь некоторым незначительным колебаниям, но не выходя за их пределы.

* В этих условиях авторами предлагается путь повышения капитализации регионов. Безусловно повышение капитализации позволит «связать» воспроизводственные контуры, однако традиционная оценка капитализации происходит как подсчёт суммы активов, имеющих стоимость при существующей модели экономики, с учётом пересчёта их через доллар США и оценкой с привлечением западных рейтинговых агентств лишь частично позволит приблизиться к положительному эффекту. Скорее «...успехи в этой сфере служат значимым индикатором эффективности деятельности региональной элиты и территориального менеджмента» [6, с. 165].

Переход в критическую зону будет сопровождаться эффектом «схлопывания» этого процесса.*

В условиях, когда важнейшие показатели находятся в критической зоне, можно говорить о процессе деградации территориальных социально-экономических систем, которые имеют как содержательное, так и пространственное выражение [3].

Предлагаемая методика. Методика определения характера и интенсивности социоэкономических связей ТОС региона (субъекта РФ) состоит из следующих этапов.

На первом этапе проводится межрегиональный сравнительный анализ динамики экономических и социально значимых показателей.

На основании различий в темпе роста выбранного экономического и социального показателя регион относится к одной из пяти групп. В результате составляется следующая группировка (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Оценка расхождения средних темпов роста душевого ВРП и доходов

Разница в процентах	Динамика изменений
более 5	высокое расхождение
от 2 до 5	существенное расхождение
+2 – 2	комплементарная

При этом наблюдаемая динамика может быть, как в положительной, так и в отрицательной зоне, что даёт пять типов по взаимосвязи динамики ВРП и доходов.

Не менее важно понимание «достаточности» доходов, которую возможно оценить по доле расходов на продукты питания в структуре доходов (в том числе и в динамике). Поэтому на втором этапе находится разница между темпами роста денежных доходов и долей продуктов питания в структуре расходов. Оценка осуществляется аналогично предыдущему этапу (см. табл. 1). Регион при этом относится к одному из пяти типов. К сожалению, данные по структуре расходов в региональном разрезе доступны только за два года.

На третьем этапе проводится оценка пространственных изменений региональных ТСЭС с позиции усиления или снижения разнообразия экономической деятельности. С географических позиций развитие предполагает усиление внутрирегиональной связности и увеличение разнообразия сфер деятельности, в которых занято население.

* Т.е. нарушением происходящих в нём автокаталитических реакций

Рассмотрение ТЭС предполагает системный подход, изменение экономической пространственной структуры адекватно трансформации социально-демографической. Для оценки сонаправленности данных процессов рассматриваются внутрирегиональные изменения на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана (ННІ), рассчитываемому по следующей формуле:

$$ННІ = \sum Y_i^2,$$

где Y_i – доля стоимости i -ого вида продукции в районе от общеобластного значения.

Чем ближе ННІ к 0 – тем более равномерно распределен исследуемый признак по территории, чем ближе к 1 – тем значительнее его концентрация в одном из районов.

В целом согласованное движение индекса Херфиндаля-Хиршмана по населению и по экономике следует считать предпочтительным перед несогласованным. В то же время оценка может быть проведена следующим образом (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Матрица оценок динамики показателя ННІ

Типы динамики	Положительная динамика производства				Отрицательная динамика производства			
	ННІ _{н+} ННІ _{п+}	А	ННІ _{н-} ННІ _п +	В	ННІ _{н+} ННІ _{п+}	В	ННІ _{н-} ННІ _п +	С
Положительная динамика численности населения	ННІ _{н+} ННІ _{п+}	В	ННІ _{н-} ННІ _{п-}	А	ННІ _{н+} ННІ _{п-}	С	ННІ _{н-} ННІ _{п-}	В
	ННІ _{н+} ННІ _{п-}	А	ННІ _{н-} ННІ _п +	С	ННІ _{н+} ННІ _{п+}	С	ННІ _{н-} ННІ _п +	Е
Отрицательная динамика численности населения	ННІ _{н+} ННІ _{п-}	В	ННІ _{н-} ННІ _{п-}	В	ННІ _{н+} ННІ _{п-}	Д	ННІ _{н-} ННІ _{п-}	Е

ННІ_{н+} (-) – значение индекса Херфиндаля-Хиршмана по населению растёт (снижается)

ННІ_{п+} (-) – значение индекса Херфиндаля-Хиршмана по производству растёт (снижается)

В результате при оценке пространственных сдвигов экономического и социально-демографического показателя можно выявить пять типов по согласованности развития. Значимым следует считать изменение индекса по стоимости по второму знаку после запятой, по населению – по третьему.

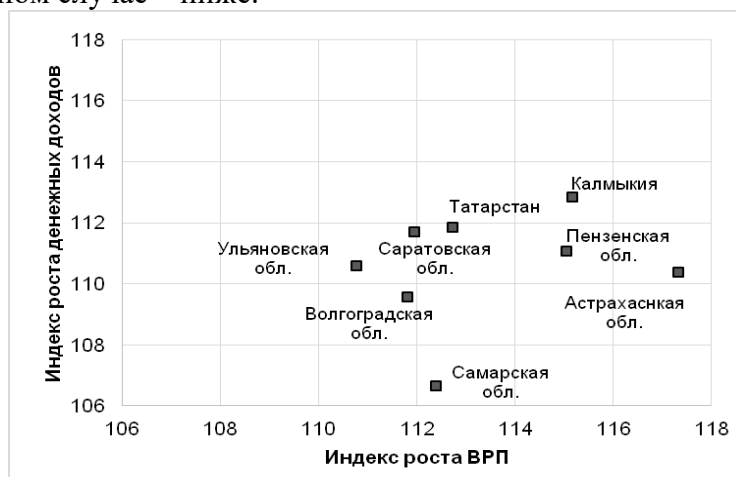
Итог приводится в рамках сочетания трёх этапов оценки. В зависимости от уровня развития региону на каждом этапе может быть присвоена оценка А, В, С, D, Е. В итоге полученный тип складывается

из трёх оценок (например, С, Е, D). Разумеется, возможно использование индексов на каждом этапе и составление суммарного индекса, однако, методика нуждается в большем объёме материалов (прежде всего на третьем этапе), чтобы выявить значимость каждого из частных индексов.

Таким образом, предлагается два уровня анализа: межрегиональный (в пределах экономического района), внутрирегиональный (по данным муниципальных образований). Интересно сравнение с позиций социэкономике двух муниципальных районов, как это сделано в работе [7].

Целесообразно в будущем включить в методику также локальный уровень и уровень отдельного населённого пункта (как правило города). Здесь возрастает значимость экспертной оценки, поскольку статистика доступна, как правило, только по трём-четырёх городам субъекта РФ с наибольшим числом жителей. На локальном уровне оценка «сверху» логично может быть дополнена оценкой «снизу», т.е. проведением опросов и пр.

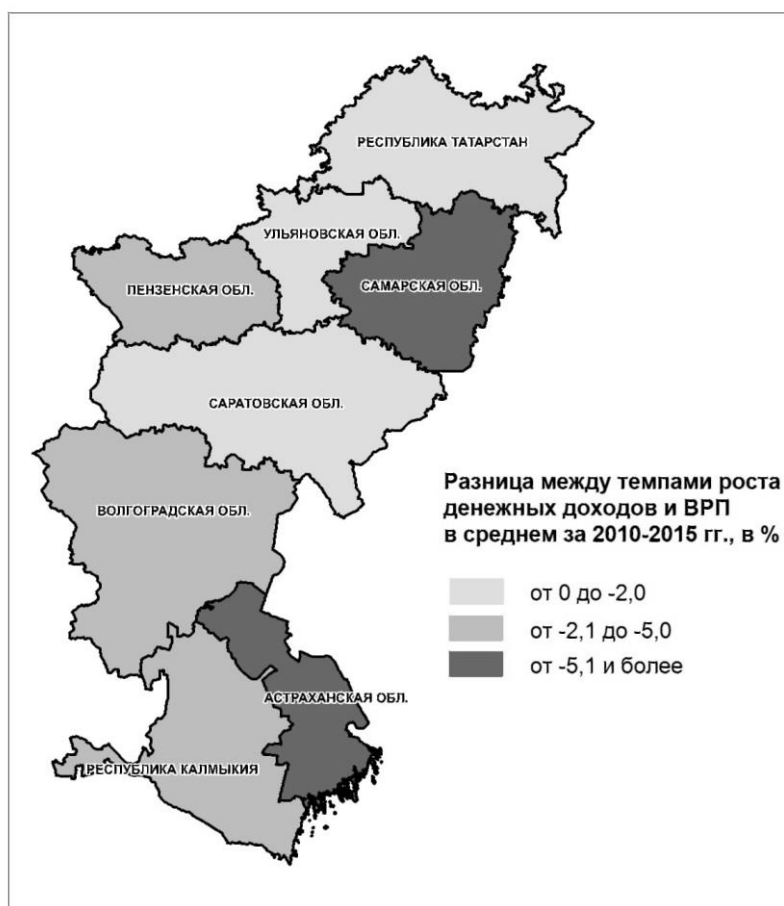
Результаты и выводы. Оценка влияния экономических процессов на социально-демографические на примере Саратовской области проводилась согласно описанной методике. На первом этапе наиболее очевидными показателями для сопоставления стали ВРП и среднедушевые денежные доходы. По этим показателям выполнено сравнение Саратовской области с другими субъектами РФ Поволжского экономического района (ПЭР) (см. рис. 1). Здесь намерено оставлены равные значения сетки шкал: если провести биссектрису из левого нижнего (юго-западного) угла, то регионы с более высокими темпами роста доходов относительно душевого ВРП окажутся выше этой линии, в противном случае – ниже.

Р и с. 1. Взаимосвязь темпов роста ВРП и денежных (в расчёте на одного жителя), в среднем за 2010 – 2015 гг. (составлено по данным [9])

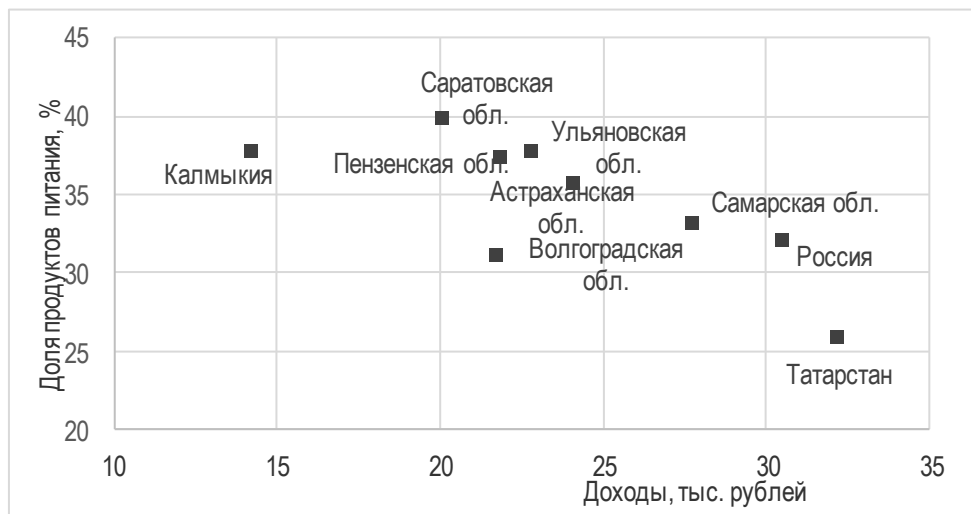
При этом важно учитывать не только относительное изменение темпов роста, но и абсолютные значения душевого ВРП и денежных доходов. Если в 2010 г. только душевой ВРП Татарстана незначительно превышал среднероссийский уровень, то и в 2015 г. он оставался единственным таким субъектом РФ в Поволжье. По денежным доходам ситуация несколько иная: в 2010 г. денежные доходы в Самарской области были выше средних по стране, но к 2015 г. опустились ниже среднего уровня, зато доходы жителей Татарстана выросли.

Как отмечалось выше, оценка различий темпов роста ВРП и доходов должна быть подкреплена вычислением разницы – либо между цепными индексами каждого года, либо между средними значениями. Как можно видеть (см. рис. 2), ПЭР свойственна нехватка верхних двух типов, т.е. для всех них в исследуемый период наблюдалась неположительная «конвертация» развития региональной экономики в рост доходов на одного жителя.

Р и с. 2. Разница между темпами роста денежных доходов и ВРП по субъектам РФ ПЭР в среднем за 2010–2015 гг., % (составлено авторами по данным [9])

Второй этап связан с взаимной оценкой роста денежных доходов и долей продуктов в расходах граждан. К сожалению, по имеющимся данным возможно довольствоваться только статикой. В этой ситуации допустимо сопоставить долю продуктов питания в каждом конкретном регионе со среднероссийским значением. На графике (рис. 3) заметно, что доля расходов на продукты питания почти для всех субъектов РФ ПЭР выше среднероссийского уровня и лежит в относительно узком интервале 35–40% при том, что размах доходов существенно более значим.

Р и с. 3. Взаимосвязь среднедушевых месячных доходов и доли продуктов питания в структуре потребительских расходов, 2015 (составлено по данным [9])

Перейдём к третьему этапу. Статистика на местном уровне относительно скудна и ограничена по отчётным годам, в связи с этим для оценки были выбраны показатели стоимости отгруженной продукции, оказанных услуг и численность населения. Результат следующий (см. таблицу 3). В действительности, рекомендуется брать данные за тот же пятилетний период, за который проводились предыдущие расчёты.

Некоторые показатели для определения типа движения муниципальных районов Саратовской области в 2014–2016 гг.

Показатели	2014		2016	
	Значение	ННП	Значение	ННП
Стоимость отгруженной продукции, выполненных услуг, млрд. рублей	534	0,2628	604	0,2949
Население, человек	2475945	0,1462	2466667	0,1484

Трактовать полученные значения индекса следует таким образом. Индекс стоимости продукции и услуг за два года повысился при общем росте стоимости, что говорит о позитивных процессах концентрации экономической активности. В то же время индекс численности населения также повысился (хотя гораздо менее значимо, что естественным образом связано с существенно большей инертностью расселенческой структуры) при сокращении численности населения. Разумеется, при анализе демографических изменений в таком коротком промежутке, внимание уделяется прежде всего миграционным процессам (см., например, [4]).

Применения указанного индекса целесообразно сочетать с использованием центрографического метода, показывающего смещение демоцентра. Безусловно, оценить значимость движения последнего возможно только при сопутствующем анализе системы расселения, включая динамику людности в городах разного размера [8], особенности воспроизводства населения, миграционной ситуации [5].

Таким образом, по результатам применения предлагаемой методики Саратовская область получила буквенный индекс С,Е,А. Это означает, что в целом динамика экономических и социальных процессов региона в 2010–2015 гг. была относительно сонаправлена при довольно низком уровне их развития.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41.
2. Преображенский Ю.В. Предельные значения социально-экономических показателей Саратовской области // Риски в территориально-социальном пространстве современной России:

- Материалы научно-практической конференции. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2016. 218 с.: ил. С. 174–177.
3. Преображенский Ю.В., Цобберг О.А. Подходы к изучению деградации территориальных общественных систем // Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». 2016. №2. С. 129–139.
 4. Самонина С.С. Процессы миграции в регионах Приволжского федерального округа как фактор социального риска // Риски в социально-территориальном пространстве современной России: Материалы научно-практической конференции. 2016. С. 80–83.
 5. Самонина С.С. Применение многофакторного линейного регрессионного анализа в исследовании миграционных процессов // Материалы 2-ого круглого стола, посвященного памяти доктора географических наук, профессора Юрия Васильевича Поросенкова. Воронеж, 2016. С. 201–202.
 6. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Стратегия региональной капитализации – основа благосостояния новой России // Вестник АРГО. 2017 (6). С. 156–166.
 7. Уставщикова С. В. Социоэкономика: проблемы регионального развития // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 82–86.
 8. Уставщикова С. В. Современные процессы урбанизации в Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 27–31.
 9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/regional_statistics/.
 10. Шабанова М.А. Социоэкономика как наука и новая учебная дисциплина // Экономическая наука современной России. 2007. № 3. С. 34–48.
 11. Яковлева С.И., Нагорный В.О. Межрегиональные сравнения: типологический подход // Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». 2017. № 2. С. 43–53.

**COMPARATIVE EVALUATION DYNAMICS OF ECONOMIC
AND SOCIAL PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA
REGIONS OF THE VOLGA ECONOMIC REGION)**

Yu.V. Preobrazhenskiy, A.Yu. Romanova

Saratov State University, Saratov

A method for determination the nature and intensity of socioeconomic links of the territorial and social systems of the region is proposed. This method is

used to evaluate and compare the indicators under consideration in the Saratov Region and other subjects of the Russian Federation in the Volga Economic Region. The dynamics of economic and social processes is analyzed.

Keywords: *territorial and social systems, socioeconomics, socioeconomic relations, level of development of the region, Saratov Region, Volga Economic Region.*

Об авторах:

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Юрий Владимирович – к.г.н., доцент, кафедра экономической и социальной географии СГУ им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: topofag@yandex.ru.

РОМАНОВА Анастасия Юрьевна – студентка 1 курса магистратуры СГУ им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: nastenka1401@yandex.ru.